

Журнал и журнал -
1999 - сентябрь (№ 32) -
с. 14-15.

Все плюс-квам-перфектум лезет на эти странички. А меж тем никогда наша жизнь не была такой стоящей, как в нынешнем презенте! (Ради точной зарубки во времени — нынче 2 февраля 91-го. 17-й день войны на берегах Персидского залива. Попытка возрождения партии — пленум ЦК, старомодный, как недавнее собрание российских дворян в Колонном зале).

"Зима тревоги нашей". Нет, нужно с трюкотичем и восклицательным знаком.

Сегодня неотступно дежурит в мыслях это терзающее душу название стейнбековского романа. Оно — цитата. И потому трюкотиче оправданно. А уж восклицатель-

Даниил ДАНИН

Из книги
"Строго как попало"

ный знак — тем более, так тревожны тревоги нынешней нашей зимы. Помнилось, что это цитата из мировой классики. Но откуда? Перечитывать роман не тянуло. А кто-то сболтнул, что это — из Библии. Однако слово "зима" ни на что библейское не намекало. Саша Мацкин, с кем-то поговорив, уверился: это — Шекспир. В свои 84 с лишним он не затруднился позволить и просветить меня. Итак, — Шекспир, но снова — откуда? Последний знаток из старых друзей, кого я мог бы без раздумий обременить таким вопросом, — Саша Аникст, — уже года два как отбыл навсегда. Пришлось все-таки полистать роман. И странное это оказалось чтение для москвича наших дней: там герой-балабейщик — милый добропорядочный потомок первых поселенцев Новой Англии — патетически дурачится, обращается с речами к полкам, снизу доверху набитым всяческой снедью в банках, баночках, пакетах, пакетиках, ящиках, брикетах, связках, бутылках и бутылочках, словом — ко всему гастрономическому разнообразию цивилизованно производительного мира, и многим озабоченный, милый этот человек не озабочен ни на йоту лишь одним — проблемами продовольственного ближних и дальних, своего массачусетского городка и всей своей необъятной Америки. Тревоги его зимы не то чтобы иные, чем наши, но свободны от наипростейшей и самой беспощадной — тревоги хлеба насущного.

Надо было прочитать всю первую часть романа, чтобы увидеть в ее финале две шекспировские строки:

Зима тревоги нашей позади.
К нам с солнцем Йорка лето возвратилось.

И в сноске — "Ричард III". Но без имени переводчика. А узнать, кто нашел эту драматическую формулу сцепления зимы и тревоги, хочется из чувства благодарности за волнующую находку... Достая два наличествующих на стеллаже перевода едва ли не жесточайшей из шекспировских драм — А. Дружинина в пятитомнике Брокгауза-Ефрона и А. Радловой в современном восьмитомнике Гослита. Радуюсь везению: искомые строки — самые первые в трагедии. Не надо лазить по обширному тексту. Это зачин монолога Глостера, еще не ставшего Ричардом Третьим, но уже пообещавшего стать сверх-злодеем. Однако, бог ты мой, как поэтически бедны оба прежних перевода! "Зима междуусобий" у Дружинина и совсем уж нищая "злая зима" у Анны Радловой.

Да не покажется подражанием Толстому уверенье, что и английский оригинал, то есть подлинник Шекспира, тоже выглядит беднее русской "зимы тревоги нашей". У Шекспира: "уинтер оф аур дисконтент". А "дисконтент" — по весьма объемистому словарю — "неудовлетворенность, досада, раздражение". Разумеется, черт его знает, как звучит для британского уха этот "дисконтент" в сочетании с "зимой"? Такие вещи

— тайны языка. Зато можно поручиться, что для нашего уха "зима тревоги" звучит, как стилистическая вольность, возвышенно обеспокаивающая мысль. Эта вольность сразу заставляет душу думать и наполняет ее драматическими предчувствиями.

Ни Калашниковой, ни Волжиной, как и Александра Аникста, тоже нет уже на свете, и не у кого узнать из первых рук, чья находка озаглавила переведенный ими роман Стейнбека. Возможно, их собственная!

Но вот, чего нельзя не заметить: Стейнбек слукавил. Он укоротил шекспировскую строку на одно только слово и она превратилась из радующей в угрюмую. "Зима тревоги нашей позади..." Позади? Нет-нет, о том и роман, что зима эта длится. Какую неумирающую жизненность почувствовал Стейнбек в поэтической полустроке, открывающей старую трагедию!

А сегодня это почувствовал старый москвич, никогда не чаявший счастья дожить до нынешних бедствий нашей истории! Суть в том, что нынешняя зима 91-го — это зима тревоги нашей за ход самой истории с большой все-человеческой буквы. Зима тревоги за счастливым ход дьявольски несчастливой российской нашей жизни. И я ни на мгновение не притворился таким-сяким-да эдаким, назвавшись старым москвичом, никогда не чаявшим счастья дожить до нынешних исторических бедствий!

Да-да, всегда я удивлял самого себя неисчезающим оптимизмом. Физиологическим — идущим не от разума, а от натуры. Логически немотивированным — и потому непроверяемым. Но даже в самых оголтелых приступах этого оптимизма не мерещилось мне — никогда! — то, что началось весной 1985-го и длится по сей день: крушение псевдосоциализма и рождение демократии. Каюсь, чего не чаял — того не чаял.

Да-да, в тягчайших бедствиях наших дней проглядывает историческая неизбежность: их не обойти — сквозь них надо пройти. Но ведь это бедствия нашей Свободы. Или яснее: бедствия мучительного освобождения от всех наших бесчеловечных Несвобод!

Мне не случилось видеть на документальном экране ничего бедственной окрашенной кровью и озвученных страдальческим криком: кадров появления из развернутого материнского лона стариковски сморщенного и судорожно пульсирующего жизнью, глянцево сияющего тельца новорожденного. И не случилось видеть ничего прекрасней бледной улыбки после пережитого.

Бледной улыбки роженицы. И бледных улыбок всех, кто в белых халатах вокруг. И того — недопущенного, кто изнемогал в ожидании за дверью.

Счастье бедствий! Оно в том, что пришел, наконец, исторический их черед. Счастье родовых мук Истории.

А для моего и Наташиного поколений тут еще и особое счастье: "дожили!" Помилосердовала природа — позволила в сравнительно добром здравии дотянуть до сей поры.

(Тьфу-тьфу! И стучу по дереву!)

Но отчего же по десять раз на дню мы с Наташей оказываемся исключением из правила? Наша интеллигенция нынче стала почти сплошь анти-горбачевской, И этого "счастья бедствий" вовсе не испытывает. Она несчастлива ожиданием апокалипсисов. Она удручена чувством обманутости. Она бедствует ощущением безнадежности хода вещей. А коли сморять вперед на длину руки, протянутой за очередным талоном на табак или сахар, она — высокочувствующая интеллигенция — униженно права: дело плохо... плохо дело, ребята!

Но, ребята, — мысленно говорю я себе и почтенным ровесникам, и тем, кто помоложе, — нас ведь числят интеллектуалами, то есть по школьному счету даже интеллигентами! А интеллигентность, патентную определенность! — это такое человеческое свойство, при котором не столько бытие командует сознанием, сколько сознание — бытием. И допустимо утверждать, что степень нашей интеллигентности измеряется просто мерой подвластности нашего бытия нашему сознанию. Ей богу, похоже на правду! Так разве сознание не велит нам сейчас глядеть подальше — за пределы просительной ладони?! Настоятельно велит. А там подальше...

Ах, в том-то все и дело, что кому видится там — подальше.

То, что происходит ныне в душах людей, наверное, проще и ярче всего было бы назвать кризисом веры. Знания завтрашнего

дня все равно никогда не было. Была вера в завтра. Порою, убедительно провозглашенная. Порою, просто-напросто желанная. А календарно никто не датировал "завтра". (Разве что кроме давнего добродушного обещания Никиты Сергеевича смастерить коммунизм к 80-му году!) Поэтому, вообще говоря, со всех политпророков взятки гладки. Но ведь это равно относится и к дурным пророчествам! И апокалиптические "завтра" тоже все откладываются и откладываются. Так что кризис веры переживают и пессимисты. Для них это и вовсе не в новинку. Современные теоретики исторического пессимизма — вполне легальные астрологи — вместо жесткой скамьи подсудимых (за преднамеренный и корыстный обман доверчивых) занимают мягкие кресла телестудий и бесстрашно рассказывают о строго научных изысканиях своего знаменитого праотца Нострадамуса, каковой еще в XVI веке все проведаль о нас, сегодняшних, а сверх того достоверно предсказал, выражаясь по-французски, "ля фан дю монд". В отличие от оптимистов, он даже рискнул обозначить точную дату конца света. Вот это всего занятней.

А узнал я о его отваге нечаянно. Осенью 90-го, в пору мрачнейших прогнозов на близкое будущее, когда страстью политиков и публицистов стало накладывать нам на шею петлю и тут же вышибать скамеечку у нас из-под ног, я решил написать заметку против этого повального поветрия. Сочинение мое называлось "Каркающая философия..." И для выпада против нашей теле-астрологии мне понадобилось полезть за

справкой в 41-й том Брокгауза-Ефрона. Там на 387-й странице я прочитал, ликуя и содрогаясь, нечто гораздо более выразительное, чем ожидал. В 1555 году Нострадамус опубликовал предска-

зание: конец света наступит в год, когда страшная пятница придет на день св. Георгия (23 апреля), Светлое воскресенье на день св. Марка (24 апреля) и праздник тела Христова на день св. Иоанна (24 июня). Однако не было указано, в каком же злосчастном году такое совпадение случится.

Я не успел удивиться небрежности автора справки — все объяснилось в следующей отроке: "Такое совпадение бывало уже много раз и в ближайшем будущем совершится в 1943-м..." (стоит заметить, что 41-й том энциклопедии вышел в 1897-м).

От неожиданности я рассмеялся. Оказалось, что "конец света" обладает утешительным свойством повторяемости. Иначе говоря, вовсе не является концом! Какой оптимистический ракурс пессимизма — кто бы мог подумать?!

(В скобках скажу, что разные издания четырежды перемещали мою эссежку из номера в номер, да так и не напечатали, хотя всякий раз "все начальство" бывало "за". Конечное возражение тоже всякий раз звучало самоочевидно: эдак мы выступим против собственных прогнозов).

...Ладно. Ну, так что же все-таки видится там — за пределами протянутой ладони? Зима тревоги нашей сыплет февральским снегом. На днях Пастернаку исполнилось бы 100+1. А к слову — не он ли симпровизировал перевод шекспировской строки в возможном разговоре с Калашниковой или Волжиной?! Почему бы нет? Так или иначе — да случится первая строка "Ричарда III" сполна:

Зима тревоги нашей ПОЗАДИ!

И моему оптимизму верится, что мы обойдемся без собственного нового Глостера с его превращением в короля третьего Ричарда.

СРЕДА

Зима тревоги нашей

СРЕДА

№ 3 (107) • 1992

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ЭКРАН и СЦЕНА

16 — 23 января

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ЕДИН в ТРЕХ ЛИЦАХ.

Новый фильм Валерия ПРИЕМЫХОВА «Мигранты».

4 страница.

«БЕССЫ» ДОСТОЕВСКОГО в ПРОСТРАНСТВЕ КАДРИИ.

Белоглазый, работающий в Италии, поставил спектакль в Москве.

5 страница.

Валерий ФРИД.

«58»

Сам автор называет свое мероприятие расшифровкой так: «58 — это «политическая» статья старого УК, в которой было четыре десятилетия пунтов. Наш, восьмой — «террор» — как раз посередине, на полпути».

8-9 страница.

НОВОСТИ ИЗ ЖИЗНИ Софии ЛО-РЕН, Марлен ДИТРИХ, Милоша ФОРМАНА, отца и сына ДЕПАРДЬЕ, Дикси ФОНДЫ и Теда ТЕРНЕРА, Джорджа ХАРРИСОНА и других звезд.

12-13 страница.

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

«Меня доминиканцы могут засидеть, чтобы что и готовить себе и тому, чтобы оставить сцену сразу после сорокалетия лет. Но меня ничем не убедят, что я выйду на сцену».

15 страница.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

«NOW IS THE WINTER OF OUR DISCONTENT»

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.

Иллюстрация: Артур и Виктор Гант.